

Доброе

УТРО

Доброе
УТРО

СБОРНИК СТИХОВ МОЛОДЫХ
ПОЭТОВ КИРГИЗИИ

Составитель *Я. Б. Земляк*

КИРГИЗСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Фрунзе ★ 1958 г.

Сборник стихов «Доброе утро» составлен из произведений молодых, пишущих на русском языке поэтов, живущих в Киргизии.

В стихах первого раздела раскрываются мысли и чувства простых советских людей: рабочего, каменщика-строителя, агронома, врача, молодой матери, студента, плотогона, солдата и многих других. Это, во-первых, чувство советского патриотизма и глубокой признательности солдатам революции и Отечественной войны, отдавшим свои жизни во имя торжества коммунизма. Это — заслуженная гордость своей профессией, готовность по зову партии пойти на самый трудный участок великих работ по освоению целины, взаимная товарищеская выручка, высокая требовательность в вопросах личных взаимоотношений в семье.

Это, наконец, чувства, которые в литературе объединяются термином «лирика»: удивление и восхищение красотой родной природы, ощущение единства со степным уголком или горной долиной, где ты родился, юношески робкое или возмужавшее, проверенное в жизненных испытаниях чувство любви к девушке, к женщине.

Стихи второго раздела — сатирические. В них обличаются и клеймятся отдельные, ещё встречающиеся порой люди, отмеченные родимыми пятнами капитализма: бездельник, прикрывающийся дипломом, равнодушный эгоист, заботящийся только о своем покое и благополучии, халтурщик-врач, в погоне за длинным рублем, занимающий по совместительству несколько должностей, карьерист, думающий не о деле, а о поддержании своего дутого авторитета.

Если многие стихи сборника ещё и нельзя назвать оригинальными в полном художественном значении этого слова, то все же стихи, включенные в сборник, дают право говорить о становлении молодых, уже зазвучавших поэтических голосов.

Смаха

ВСЕ ВПЕРЕДИ

У степной целины, у равнины пустой,
все еще впереди.
У березовых почек, не ставших листвою,
все еще впереди.
У цветов полевых, ожидающих пчел,
все еще впереди.
И у зерен в земле их черед не пришел,
все еще впереди.
В жизни я одолею любой перевал,
все провалы в пути,
Сильный чувством, которое б так и назвал:
все еще впереди.

ОКТЯБРЬСКИЙ САЛЮТ

На праздничной площади —
музыка,
люди,
торжественных
пушек
ряд.
О чем говорят они?
Даже орудья
о мире
у нас
говорят.
Зеленой щекой своей.
лист
каштана
доверчиво к дулу приник.

Доброе
У Т Р О

СБОРНИК СТИХОВ МОЛОДЫХ
ПОЭТОВ КИРГИЗИИ

Составитель *Я. Б. Земляк*

КИРГИЗСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Фрунзе ★ 1958 г.

ВСЕ ВПЕРЕДИ

У степной целины, у равнины пустой,
все еще впереди.
У березовых почек, не ставших листвою,
все еще впереди.
У цветов полевых, ожидающих пчел,
все еще впереди.
И у зерен в земле их черед не пришел,
все еще впереди.
В жизни я одолею любой перевал,
все провалы в пути,
Сильный чувством, которое б так и назвал:
все еще впереди.

ОКТЯБРЬСКИЙ САЛЮТ

На праздничной площади —
музыка,
люди,
торжественных
пушек
ряд.
О чем говорят они?
Даже орудья
о мире
у нас
говорят.
Зеленой щекой своей
лист
каштана
доверчиво к дулу приник.

Орудья...
Когда же салюты станут
единственным
делом
их?

ПРИЗНАНИЕ

У дубовых стволов,
У заветных стволов
Я хотел бы сказать тебе
Несколько слов...

Ты придешь.
Ты ведь мне обещала прийти,
К девяти обещала прийти,
К девяти.

Я хотел бы сказать тебе
Несколько слов.
Я шепнуть их могу,
Прокричать их готов.

Пусть осина
Развесила уши свои,
И дыханье на миг
Ветерок затанл.

Не ревнивый слушок
И не глупый навет, —
Страшно только одно:
Твой ответ...

ТЕБЕ

Шофер в гараж вернулся на «Победу».
Притих и замер город твой и мой.
В такую полночь, может, в целом свете
Одни мы не торопимся домой.
Но дома ждут. Давно потушен свет.
Войдешь ты робко, словно виновата,
И, верно, вспомнит мама, что когда-то
Ей тоже было восемнадцать лет.
Пусть мать немало в юности далекой
Пережила ошибок и невзгод,
Она поймет нас. Но, как прежде, строго
За поздний час отчитывать начнет.
Потом светло чему-то улыбнется,
Очки слегка поправит на носу
И, глянув на тебя, вдруг отвернется,
Чтобы смахнуть невольную слезу.

КЛЮЧИ

К прозрачным ключам
Наклонились кусты:
«Ключи, почему вы
кристально чисты?»

Ключи им в ответ:
«Потому, что прошли
сквозь горькие-горькие
соли земли».

ТАНК

В начале мая,
Где огнем, а где
Цветами осыпаемый при встрече,
Он на одной из пражских площадей,
Как дружбы символ, был увековечен.
Весь в шрамах от осколков,
Обожжен,
Танк и теперь стоит на пьедестале.
И, может, лучше даже то, что он
Не бронзовый, а из уральской стали.
Ведь вписанный в картины и тома
И скульптора резцом не приукрашен,
Он встал здесь как действительность сама.
Как трудная
Сама победа наша.
И кажется, что вовсе не гранит,
А вся земля от Праги до Урала,
Земля,
где он прошел полями битв,
Ему
Сегодня
Служит пьедесталом.

МОСКВА

Не по заказу и не в силу долга,
Кремлевских звезд не видел наяву,
Рисует он старательно и долго
Любимую далекую Москву.

Где знать ему, что ярковаты краски,
Что город много проще и скромней,
Что проще циферблат на башне Спасской,
Звезда, в ночи горящая над ней;

Что самолеты только в дни парада
Проходят над созвездьем красных звезд.
...Нет, мальчугана поправлять не надо,
Он будет прав, обидевшись всерьез.

ДЕТДОМУ

Я знаю, было б нелегко мне,
когда б не ты, родной детдом.
Не потому ль тебя я помню
И не могу забыть о том,

Что я, совсем не знавший мамы,
твое почувствовал тепло,
И к беспризорности упрямой
Меня тогда не увлекло.

В любом краю под этим солнцем,
В какой бы ни было судьбе,

Твои бедовые питомцы,
Мужая, помнят о тебе.

Они, как я, немногословно
Тебя, за твой нелегкий труд
В своих коротких родословных
Без оговорок назовут.

* *
*

Не привыкну никогда к упрёкам,
Что тянусь я к жизни кочевой.
Побывав вчера в краю далеком,
Вновь готов к дороге ветровой.

Полустанки, путевые песни,
Толкотню вокзальную люблю,
Потому, что в жизни душно, если
Не проветрить молодость свою.

УЧЕНИЦА

Сидишь ты в саду над книгой.
Еще не гудело семь.
И птицы щебечут тихо,
И спится спокойно всем.

Немножко лицо алеет
От той ледяной воды,
Которой, чтоб стать бодрее,
Привычно умылась ты.

Шалит ветерок задорный,
Сдувая с плеча платок,
И с каждой строкой покорней
Упрямая мудрость строк.

Заданье большое на дом.
Но скоро... идти пора:
Тебе на работу надо
Успеть к девяти утра.

У швейной машины в цехе
Своих не жалесшь рук:
Не хочешь отстать в успехе
От первых своих подруг.

...Под вечер ты снова дома.
Устала, но дело есть:
Еще бы главу «Разгрома»
До школы успеть прочесть!

ОДНОКУРСНИКАМ

Двери в вуз открыли мы в июле,
Чтоб держать отчет за десять лет.
В сентябре свободно мы вздохнули,
Получив студенческий билет.

А сегодня — спор на семинарах,
Секции, кружки — не закружись!
Беспокойно-радостной недаром
Все зовут студенческую жизнь.

Дисциплин меняются названия,
Короб новых планов и забот.
А колонка курса в расписаньи
Вправо забирает каждый год.

Не заметив, удивимся сами,
Как придет прощальная пора,
И профессор, кончив госэкзамен,
Скажет нам: «Ни пуха, ни пера!»

ПЕВИЦА

Букет огней увял над головами,
Посторонился занавес, шурша.
Улыбкою ты обменялась с нами
И подошла к роялю не спеша.

Проснувшись под руками пианиста,
Впорхнула в зал мелодия...
И ты
Запела, подарив нам голос чистый.
Приняв подарок, замерли ряды.

Певница, ты в аиле вырастала;
Там столько светлых дней твоих прошло!

НА МАЛОМ ФОНТАНЕ

В краю, где живу я —
далекие горы,
Как дымных судов караван.
Гляжу,
и опять вспоминается море,
Одесса
и Малый фонтан,
Над синими скалами —
флаг у причала,
Рыбацкий курень на краю —
Земля, где я вырос,
где море качало
Юность мою.

Время — к рассвету.
Пустынные пляжи.
Плещется море чуть-чуть.
Парус очаковский
к мачте подвяжешь
И — в путь.
Где-то под нами
скумбрия рыщет,
Пугливо минуя шлюп.
Сверху — тихо.

Только о днище:
хлюп-хлюп!
Снасть: двенадцать крючков серебрится
На жилке упругой и зыбкой.
На каждом крючке —
перышко птицы,
Как рыбка.
Пускаешь по ходу
с грузилом лёсу
В прибортовую струю...

Вот как ловили
у нас в Одессе
Скумбрию...
В краю, где живу я —
далекие горы,
Как дымных судов караван.
Гляжу,
и мне вновь вспоминается море,
Одесса
и Малый фонтан,
На взморье, над скалами
флаг у причала
И старый курень на краю —
Земля, где я вырос,
где море качало
юость мою.

* *
*

Родник под ивой,
пыльная дорога,
Зовущая в далекие края.
Шагнула юность в эту даль с порога,
Неповторимая моя.

Немного жаль,
что больше,
как бывало,
Я не приду
писать стихи сюда.
Как много первых
свежих слов умчала
По руслу жизни
полая вода.

доставал я патроны.
От волнения —
в груди горячо.
Только вдруг
кто-то вежливо тронул,
Тихо тронул меня за плечо.
Оглянулся растерянно:
рядом
Молодая, простая на вид,
Русокося,
с ласковым взглядом,
Дочь лесничего
в шубке стоит.
«Неужели вам осени мало?..
Видно, молод,
а сердцем жесток!» —
И, смутившись,
рукой показала
В камыши,
на алевший восток.
Стая, севшая в эту минуту
В тихой заводи,
сбилась тесней.
Глухо слышались
кряканье уток
И любовный призыв
селезней.
Эту песню весенней природы
Вдруг прервать
было совестно мне.
И впервые
за долгие годы
Удержал я ружье на ремне.

* * *

В лощине,
где пыль да песок,
Поднялся,
расцвел сиротливо
Последний

осенний

цветок —

Степное печальное диво.
Как солнце его не сожгло
И бури
не вырвали с корнем?
Осенним невздам
, назло,
Он выбился вверх,
непокорный.

УТРО

Скатилась месяца серьга
За тополя,
в разлив широкий,
И чуть бледнеют берега
В речном затоне
на востоке.

Сверкают капельки росы:
(Хороший признак!)
быть погоде.
Камыш мне шепчет
сквозь усы
О том,
что утро на подходе.

Пора!..
Пора, мой старый пес!
Давно ты носом водишь чутко.
Пойдем туда,
где дымный плес
Готов нас встретить
первой утко*

Багряные пятна вдоль сизых полос —
Как будто осколочек

утренней дали

Ко мне он на маленьких крыльях донёс
На память...

я чучело сделал из птицы,

В глазницы лазурную вправил эмаль.

Теперь над окошком моим

серебрится

Плененная мною пустынная даль.

Зимой,

когда вьюга стучится о крышу

И снегом

наш сад до ветвей заметен,

Взгляну,

и мне кажется, будто я слышу

Далекий-далекий серебряный звон.

А сколько пропусков в работе
И недописанных стихов!

Так почему же год — пропащий,
Когда он был весной сплошной,
Когда он — самый настоящий
Из всех, что пережиты мной?

ВЕЧЕРОМ

На плечи гор накинул вечер
Расшитый звездами платок...
Огнями яркими расцветен,
Степной военный городок,
Вот где-то рядом, за дувалом,
Гармонь вздохнула горячо.
И ты вздохнул.

И, как бывало,
Легонько обнял за плечо.
Что вспомнил ты?
Года былые?
Весна, что встретила дождем,
Весну, когда меня впервые,
Привел в свой неуютный дом?
Не угадаешь. За окошком
Стоит такая синева!
И о любви поет гармошка
Полузабытые слова...
Ее напев растет, крепчает.
И на гармошку мимо нас
Проходит пара молодая,
На тропке узенькой теснясь.
Еще любить им, жить, мужая.
И наша грусть тиха, тепла:
То, нашу юность продолжая,
Другая молодость прошла.

ПРОЕЗДОМ В МОСКВЕ

Проездом я в Москве.

Сквозь шум,

Сквозь цепь сигналов звездную
Иду с Казанского,

спешу

На Малую Колхозную.

Есть дом один там, старый дом
С крутою темной лестницей.

Пришлось мне жить когда-то в нем
Неполных восемь месяцев.

Недолгий срок, а между тем

Который год все гомню я

Фасад, облупленный совсем,

И комнатушку скромную.

Так много пережито в ней:

И первые свидания,

И первый стих, и первый гнев,

И первое страдание...

Я подхожу,

гляжу в окно,

Что так знакомо светится,

Как будто мне и впрямь дано

Тут с молодостью встретиться.

* * *

В год испытаний суровых и страшных,
Лежа в траншеях, идя в рукопашный,
Столько продумано, столько проверено,
Будто бы заново жизнь перемерена.

В СОРОК ПЕРВОМ

Фашист на бредущем опять
Свинцом ударил по дороге.
...Она еще пыталась встать
На искалеченные ноги.
И малыша, что лег ничком,
Попав врагу на крест прицела,
Отяжелевшим языком
Окликнуть женщина хотела.
Ушел бандит за облака
Под залп зениток запоздалый.
И вновь по ленте большака
Шагали беженцы устало.

ТЫ ПОМНИШЬ?..

Ты помнишь Смоленск сорок первого года?
...Бегущие хмуро днепровские воды,
У старых кирпичных Никольских ворот
Мальчишек оборванных — круглых сирот.

Суровые лица, солдатские каски,
Сгоревших домов обнаженная жуть.
Часы на Советской разбиты фугаской,
Как будто здесь время закончило путь.

Часы.. Сколько светлого связано с ними—
Свидетели встреч, расставаний, утрат.
Давно ль повторяя любимое имя,
Мы с другом глядели на их циферблат?

И нет их. Уходим мы, вскинув винтовки...
Пятнистые танки ползут по Покровке
С большими крестами на желтой броне.
Вернемся? Кто знает, ведь мы на войне.

Вернулись. Шагаем по улице новой —
Мы снова в Смоленске, на родине снова,
И камни — свидетели стольких веков,
Гудят под подошвами двух земляков.

Места узнаем, хоть вернулись нескоро.
(Уже отрасли у мальчишек усы.)
Мы долго стоим на ступенях собора.
А где ж эти, близкие сердцу, часы?

Да вот и они. Под стеклом циферблата
Такие же стрелки, как были когда-то.
Спиной прислонившись к дуплистому клену,
Торопит минуты парнишка влюбленный.

МАЛЬЧИШКА

Он слез не лил, участия не искал,
Он не умел по-детски улыбаться.
И в десять лет мальчишка этот знал,
Чего другие знать не могут в двадцать.

Уже не веря в чью-то доброту,
Он из детдома убежал и снова
Бродяжничал... Пока не встретил ту,
Которая согрела теплым словом.

Она к нему вставала по ночам
Упавшее поправить одеяло,
То гладила по худеньким плечам,
То, как родного, к сердцу прижимала.

И он, смягчившись, начал понимать,
Что есть и в жизни, а не только в сказках.
Хорошее, большое слово «мать»,
Привет ее, ее простая ласка.

Он стал другим. Казалось, что весна
Тепло вдохнула в маленькую душу.
И таял лед.. Но вдруг пришла она,
Чтобы опять покой его разрушить.

В прищуре глаз застывший холодок,
След яркой краски на губах упрямых.
— Ты что, не узнаешь меня, сынок,
Иди скорей, целуй, глупышка, маму.

А он прижался к той, что позади
Стояла, ежась будто от мороза,
И молча прятал на ее груди,
Впервые появившиеся слезы.

ГЕОЛОГИ

Закончены сборы,
Завьючены кони
И снова петляет
Тропа к перевалу,

И липнут поводья
К вспотевшим ладоням,
И люди качаются
В седлах устало.

Все выше и выше,
Под самые тучи
Идет наш отряд
Незнакомым маршрутом.
С боков громоздятся
Угрюмые кручи,
Грозя снеговою
Лавиной кому-то.
Молочною мглой
Оседая на склоне,
Сползает туман
Со скалистых уступов,
Пугливо храпят
Осторожные кони,
И бурая пена
Вскипает на крупах.
Все круче подъем
И дорога труднее,
И ветер в лицо
Ударяет с разбега,
То воя, то плача,
То вдруг стервенея,
Бросает в нас хлопья
Колючего снега.

Мы сходим с коней
И по снежному насту
Все выше и выше
Взбираемся смело.
И каждый, сто раз
Презиравший опасность,
Шалящие нервы
Напряг до предела.

В РАБОЧЕМ СТРОЮ

Протяжно гудит над заводом
Знакомый с рожденья гудок.
Задолго до смены у входа,
Волнуясь, стоит паренек.

Стоит и решиться не может
Шагнуть он под арку ворот.
Свершается в жизни, быть может,
У парня крутой поворот.

Шаги замедляет рабочий
От юноши невдалеке,
Как будто знакомое очень
Увидел он вдруг в пареньке.

Как будто в движении каждом
Себя самого узнает...
Вот также, волнуясь, однажды
Пришел он на этот завод.

Полвека, считай, потрудиться
Ему довелось у станка.
Давно седина серебрится
В пушистых усах старика.

Но если пришлось бы упрямо
По жизни сначала шагать,
Дорогой он этою самой,
Конечно, пошел бы опять.

Старик улыбнулся бодряще:
«Смелей, мол, шагай паренек!»
Над ними призывно гудящий
Повис, не смолкая, гудок.

Запомнится юноше дата,
И время се не сотрет:
С зажатым в руке аттестатом
Шагнул он под арку ворот.

ДОЛГ

Бывает, что бессильна медицина,
Бывает, что не знаешь чем помочь.
...Он сделал больше чем он мог для сына,
Для мальчика в ту тягостную ночь...

Подробности визита вспомнить силась,
Он знал: победа будет нелегка.
Он ждал. И в сердце чуткое вонзилась
Иголка телефонного звонка.

С помехами полуночными споря,
Весомо, ощутимо, тяжело
Чужое человеческое горе
Сквозь трубку телефонную вошло.

По улице ночной, пустой и длинной,
Надвинув шляпу, сжав упрямый рот,
Он шел сквозь дождь спасать чужого сына
И знал уже, что он его спасет.

Опять волна в киргизском море
Качает в легких барках груз.
На берегу, прибоею вторя,
Звучит задумчивый комуз.

Звучит мелодия все шире,
Все громче озеро звучит.
Лицом к лицу в огромном мире
Лишь Иссык-Куль да комузчи.

БАРС

Он мнил себя властителем вершин,
Немых, суровых, занесенных снегом,
Угрюмый, злобноглазый барсов сын,
Рожденный под тьянь-шаньским синим небом.

Но и его однажды проследил
Охотник, хоронившийся за камнем,
Потом в капканы хитро заманил
И взял почти что голыми руками.

Барс, стянутый веревками, затих,
Ушами лишь подрагивал сторожку,
Чутьем поняв, должно быть, в этот миг,
Юдей он — лишь большая кошка.

НА ПРИСТАНИ

Забыв об играх и о книжках,
С консервной банкой, налегке,
Сидит на пристани мальчишка
С таловой удочкой в руке.

Еще в воде белеют льдинки,
И воздух солнцем не согрет,
И на османа и маринку
Еще, понятно, клева нет.

На замечания прохожих
Он только ежится в пальто:
Нет нынче клева — ну и что же!
Его влечет совсем не то.

Часы на полдень повернули,
Но жалко с пристани уйти:
От парусов на Иссык-Куле
Он глаз не может отвести.

НА ПЛОТУ

Знойный полдень.
Проплывают мимо
Ленские крутые берега.
Млеет в легкой дымке, еле различима,
Синяя зубчатая тайга.

Тишина.
И лишь струна каната
Песню монотонную поет,
Да река тихонько, как меньшого брата,
Чуть покачивает длинный плот.

Вьется дым над маленькой печуркой,
Заползает в низкий балаган,
Где сидит на суковатой чурке
И строгают что-то дед Степан.

Глушь вокруг.
Нас четверо рабочих —
Больше никого за сотню верст пути.
Нет ни сел, ни строек,
Лишь сегодня ночью
Где-то в огоньках проплыл Витим.

Жарит солнце.
С берегов — ни звука,
На реке раздолье и покой.
Я лежу, щекою опершись на руку,
Убаюкиваемый рекой.

Думаю, следя в беспечной лени
За полетом чаек в вышине:
Сколько силы дремлет в быстрой Лене,
Сколько жизни в этой тишине!

Годы движутся,
Меняются картины,
Переделывает реки человек.
Может быть, и здесь подыметса плотина,
Обуздает величайшую из рек.

Может, здесь огромный город будет,
И, пришедшая издалека,
Молодежь лесную глушь разбудит
Ревом паровозного гудка...

А пока тут
Лишь струна каната
Песню монотонную поет
Да река тихонько, как меньшого брата,
Чуть покачивает длинный плот...

В ЛЕСОЗАВОДСКЕ

Дни, что давным-
Давно пролетели,
Как в полусне
Вспоминаю с трудом:
Знойное лето,
Шумящие ели,
Старый бревенчатый дом...

Глянeshь вокруг:
Подводы пылят,
Снуют вагонетки
Цепочкой ровной,
И всюду —
Навалом и в штабелях
Бревна, бревна, бревна.
Сколько разных воспоминаний
Связано с этими бревнами!
Помню, как в годы.

Далекие, ранние,
Играл я в дупле
Кедра огромного,
Кряжа
В два с половиной обхвата,
С шершавым рубцом
От объятнй каната.

Я мог часами
Стоять у лебедки,
Стоять и смотреть,
Как плавно и ходко,
Связанный тросом,
На́ берег лез
Мокрый, скользкий,
В ссадинах лес.
Где теперь эти бревна?
Где?
Как их узнать,
Как их найти?
Ведь и у них,
Как у людей,
Различны бывают пути.
Может, они —
Часть корабля?
Может, они —
Окна Кремля?
Может, на лист
Вот этой газеты,
Или на лист
Тетради вот этой,
Серенькой, тоненькой, скромной,
Пошли эти бревна?
Даже теперь,
Через много лет,
Когда впечатлений
Каких только нет,
Мне радостно видеть
Свежий срез
Столетней сосны
С сердцевинной поволокой,

Смолою и солнцем
Пахнувший лес —
Моей страны
Зеленое золото.

В РОЩЕ

Ветер берег озера выстелил
Шелестящими желтыми листьями,
И сверкает вода утрами,
Словно зеркало в бронзовой раме.

Разгулялась поздняя осень.
Будет холод — вороны кричат.
Серебрится морозная проседь
В рыжих кудрях карагача.

С тихим шорохом падают листья
С крепких веток старого дуба,
И земля одевается лисьей,
Краснобурой шуршащей шубой.

ПЕСЕНКА

По ночам — бессонница,
Мыслей смутный рой;
Каждый случай помнится,
Связанный с тобой,

Споры, разговоры,
Письма и стихи,
Маленькие ссоры
Из-за чепухи...

Все дела заброшены
Вот уж много дней.
Только ты, хорошая,
В голове моей.

НА АНГАРСКОМ МОСТУ

Иду, спешу...
Который час?
Шаги—длинной с версту.
Сейчас у нас
В последний раз
Свиданье на мосту.

Снует туда-сюда народ.
Я за толпой слежу.
Как заведенный, взад-вперед
Хожу,
Хожу,
Хожу.

Придешь ли ты,
Придешь ли ты,
Хоть что-нибудь сказать,
Или, дождавшись темноты,
Один уйду назад?..

Уже снижается на мост
Ночная темнота.
Идет!
Ее походка, рост!
Метнулся —
нет, не та.

Не та!
Я с этой незнаком...
«Дорррогу!
Не зевай!» —

Хохочет мне в лицо звонком
Насмешливый трамвай.

Часы бегут, бегут, бегут.
Ее все нет и нет.
И вот уже на берегу
В домах зажегся свет.

Нет и не будет...
В свой свисток
С издевкой просвистав,
Уходит прямо на восток
Из-под моста состав.

ДВА ПОКОЛЕНИЯ

Поэма

Строителям Комсомольска-на-Амуре.

1

Ветер весенний
навстречу гнал
дыма седые бороды.
Вдаль уплывал
за сигналом сигнал,
город бежал
за городом.
Шел на восток
огромный состав —
триста метров в длину,
вез молодежь
в Сибирь, в Казахстан —
на целину.

В вагонах шумели,
смеялись, пели,

«козла забивали»,
в окна глядели.
Как будто все были
давно знакомы,
вместе ездили
сотни раз.
Так знакомятся
у райкома
и у билетных касс.

В тамбур ветер
врывался, воя,
метался зло и сердито.
Грудью к ветру
стояли двое
в дверях открытых.
Один в пальто,
небрежно наброшенном,
старался казаться
взрослей и грубей,
словно задиристый
и взъерошенный,
едва оперившийся воробей.
Другой — пожилой,
чуть полысевший,
грузный и широкоплечий,
с бровями лохматыми,
поседевшими,
с неторопливой
спокойной речью:

«Нам было трудней,
даю тебе слово!
У нас обстановка
была не та,
время не то,
не те условия,
и ехали мы не так.

Сквозь глухомань
долго и нудно

тащилось еле
старое судно.
На палубе тесно,
но — молодежь! —
плыли под песни,
смех и галдеж.

Сказать по правде,
всякое было.
Порой на душе
вот как — уныло.
Еще до сна
пасмурной ночью
гнилая весна
насквозь промочит;
хлюпает в трюме,
по стенам бежит;
берег угрюмый
рядом лежит...
Куда едем?
Чтобы попасть
в тайге к медведю
в голодную пасть?

Помню — узкий,
шаткий трап,
помню разгрузку
в ночь — до утра.
Вдоль, над Амуром,
у самой тайги
рыбачий поселок
Азенги:
двадцать хижин,
две сотни душ,
выше и ниже —
глушь».

2

Участок был
в стороне от села.

Туда сквозь дебри
тропа вела.
Вскинув котомки,
походкой упругой
в хвойных потемках
шли друг за другом.
Дятла стук.
Шорох лесной.
Пахнет вокруг
смолистой сосной.
Стоят ели,
как мир, стары.
Чу, зазвенели
комары.
Идя впереди,
наш бригадир
казал громко:
«Ребята! Гляди:
Здесь! Отдыхай!
Снимай котомки!»

Чуть тронута палом,
молчала тайга.
Да тут не ступала
людская нога!
Подлесок, болотце.
Торчат коряги...
Так вот где придется
ставить лагерь!

Сойти не успело
солнце к закату,
взялись за дело
наши ребята.
По двое, по трое —
как сподручней —
валили деревья,
рубил сучья.

В труде скоро
кончился день.

мокрые, грязные.
лица опухли —
не видно глаз.
Грязишь по-разному:
прыгали, ухали,
счищали грязь.

— А ну-ка,
приступим, ребята,
к делу мы!
Давай лопаты!
Где ломы?
Эй, Михайло,
бегн к Ирке,
тащи кайлы,
неси кирки!

Недели
летели...
Недели разные —
сытые, голодные,
теплые, холодные,
мытые, грязные.

Трудные были
денечки нередко,
но мы не ныли —
держались крепко.

Знали:
нам ли хныкать-ныть?
Ведь впряглись-то сами,
ведь не к теще
на блины
шли сюда лесами!
Шли не пень
колотить,
шли не день
проводить!
Босы, голы...

Ерунда —
перетерпим!
Холод, голод...
Не беда —
не до смерти!

4

Отступают леса.
Дело — к лету.
Растут корпуса
из траншейных клеток.

Запах гари,
досок, хвои.
День в разгаре —
пилы воют,
слышен стук топора.
Раздувая пламя,
у костров повара
возятся с котлами.
По тайге — голоса
глушь лесную будят.
На строительных лесах
суетятся люди.

Мошкара поет.
Солнце парит.
Кирпичи кладет
загорелый парень.
С шутками и смехом
трудится бригада.
И гуляет эхо
В сопках, рядом:
— Э-эй, Андрей,
девчат покличь,
пускай скорей
несут кирпи-ич!

У стены —
подъемный кран,
рядом тачки — роем.

Это —
новый котлован
землекопы роют.
Лес везут трактора
к пилораме,
и ругается прораб
с малярами...

5

И снова летели
дни, недели...
И там, где шумели
столетние ели,
где гнус таежный кусал,
уже не в мечтах,
наяву, на деле
выросли корпуса.

Уже забыли,
когда с работы
пришел —
и в сырость ложисьь.
Ключем забила
в новых заботах
новая жизнь.

Раньше, бывало,
помыться хочешь —
сложна задача!
А нынче стало —
и днем и ночью
вода горячая.
В новом здании —
просторная баня.
Кончил работу —
парься до пота!

Раньше за ужин
сел в уголок,
в колени потуже

зажал котелок,
и наслаждайся — дуй
водичку-еду.
А пыне — иначе:
в аллее еловой,
будто на даче,
корпус столовой.
Света столько,
сколько на улице!
На чистых столиках
салфетки красуются.
Сдаешь в гардероб
полушубок овчинный,
берешь номерок,
входишь чинно:
— А ну-ка, Нинка,
подай меню.
Опять свининка?
Тащи свинью!
А заодно и щи
тащи!

Смотришь на скатерть,
на вилки, ножи,
на эти стены,
что сам сложил,
и мысли — роем:
— Вот чудеса!
Сам себе строил —
пользуюсь сам!

Чтоб веселей
в клуб идти,
в одну из аллей
свернешь в пути.
К девчатам зайдешь.
Двери толкнешь —
скажи ты! —
закреты.

Стучишься, ворча
баском сердитым,
А там, у девчат,
в ответ кричат:
— Не ломись в двери,
сняла халат я.
Дай примерить
новое платье...

6

В тамбур ветер
врывался, воя,
метался зло и сердито:
Грудью к ветру
стояли двое
в дверях открытых.

— Вы
семь кубометров
возьмете ковшом,
без напряженья работая,
а я их за смену —
и то хорошо! —
выкидывал,
мокрый от пота.

Вам
лес нагрузить —
дело минуты:
кран штабель возьмет,
рычагами бренча,
а я по бревну,
по трое суток
таскал их
на этих плечах.

Да что говорить!
Все нынче иначе.
Двадцать два года —
немалый срок.
И все же запомни,

ты не на дачу —
на трудное дело
едешь, сынок.

Ваш труд
для Родины
ценен и важен.
Запомни, сынок,
время придет,
и вам спасибо
партия скажет,
спасибо скажет
народ.

...Шел на восток
огромный состав —
триста метров в длину
Без молодежь
в Сибирь, в Казахстан —
на целину.

СЫН

Влез на стул, нашел, забавы ради,
В ящике стола мои тетради.
Все, над чем сидел и день и ночь я,
В две минуты превратил он в клочья.

Это обнаружилось сегодня...
Как я рассердился: «Ах, негодник»
Подойди сюда. Ты что наделал?»
Тер глаза, отчаянно сопел он:

«Папа, называется! Ругаешь,
А лечить зверей не помогаешь.
Для зверей, когда они больны,
Порошки различные нужны».
Мой смешной! Картавый и курносый...
Свой платок я подал малышу:
— Эх ты, доктор... ладно, вытри слезы—
Ляжешь спать, я все перепишу.

УЧИТЕЛЮ, УШЕДШЕМУ НА ПЕНСИЮ

Мне не забыть, как это было:
Петрович дал мне молоток,
Кусок железа дал, зубило.
— А ну, — сказал, — руби, сынок!

И помню, как учитель старый
В усах усмешку затаил,

Когда, не рассчитав удара,
Я... рукоять переломил.

Я был взволнован, огорошен
Не тем, что промахнулся, нет,
А светом глаз его хорошим.
Казалось деду — двадцать лет.

Сегодня цех наш опустел...
Сказал Петрович: «Годы вышли...
Вот молоток. Берн, пострел!»
И улыбнулся по-мальчишьи.

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

Умчались годы юности,
Настали годы зрелости.
В чулан нам детство вынести
Все не хватает смелости.

И все, что нам, теперешним,
Напомнит детства шалости,
Храним мы очень бережно,
В своей душе до старости.

Где вы, луга смоленские,
С пахучими покосами,
Мальчишки деревенские
И сладкий сок березовый?!

Пройдя сквозь бури с грозами,
Большие расстояния,
Я этот сок березовый
Забыть не в состоянии.

УТРО

В лугах прохладно утренней порой,
В лугах трава от инея бела.
Туман клубится, теплый и сырой,
И пересвист ведут перепела.

Ходил в поход я в дальние края.
Не заглушила даль напевы эти.
Было со мною Родина моя
С перепелиным свистом на рассвете.

* * *

Меж хребтов, в ущелье дальнем,
Гром, как молота удар,
Со скалы, как с наковальни,
Брызжет молний синий жар.

Гонит в эту мастерскую
Встер клочья облаков,
То смыкая, то прессуя,
То равняя их с боков.

ЧАСЫ

Еще у штольни нет стены,
И между гор в долине тесной
Они пока прикреплены
К скале шершавой и отвесной,

Их молния в свою мишень
Во время бури превратила.
Под ними взрывы каждый день
Гремят с невиданною силой.

Часы взрывной волной потрянет,
Они частями звякнут всеми,
Но стрелки вновь идут вперед,
Неукротимые, как время.

МАТЕРИ СЛАВУ ПОЮ

За тихую песню над зыбкой,
За баюшки-баю-баю,
За первую в жизни улыбку
Я матери славу пою.

За первые в жизни два слога,
За первую фразу мою,
За первый мой путь до порога
Я матери славу пою.

За то, что до света вставала,
Семью обшивала свою,
За то, что усталость скрывала,
Я матери славу пою.

За то, что не зная покоя,
Судьбу разделяет мою,
За сердце ее золотое
Я матери славу пою.

* * *

День короткий и зябкий
Расставался с землей.
На бульвар в беспорядке
Падал снег озорной.

Ветер шустрый, холодный
Тот снежок подымал.
Я при встрече сегодня
Вдруг тебя не узнал.

Ты навстречу стремилась,
Головы не клоня.
Или ты убедилась,
В том, что любишь меня?

НОВЫЙ ГОД

Он был стеклянным шаром в позолоте,
Который в руки не давала мать.
Чуть позже стал он зайкой на комодке,
С которым было сладко засыпать.

Потом, однажды, празднично и ярко
Вошел он в детство красочным кульком—
Желанным дедморозовским подарком
На чудо-елке в клубе заводском.

А там уже не плюшевой игрушкой
И не подарком душу всколыхнул:
Он в полночь на студенческой пирушке
В глазах любимой нежностью блеснул.

Пришла любовь. И зрелость наступила
С ее громадой непчатых дел...
И новый год, напомнив то, что было,
На то, что будет, весело глядел.

ПЕРВЕНЕЦ

Грудь впервые дала ты
И зарделась, усталая.
В крохе-сыне нашла ты
Мужа копню малую.

С губ горячих и влажных
Слово нежное просится.
Ты на пальчик, на каждый
Не насмотришься досыта.

Вот уносят сыночка
Няни важные, строгие...
Ну и длинная ночь,
Расставания долгие.

Золотистые пятна
За оконною рамою...
До чего же приятно
Себя чувствовать мамою.

МАЛИНОВКА

Мелькнув среди тенистых вишен,
Спешит малиновка к гнезду.
Зовет птенцов, птенцы не слышат,
Их нет в гнезде, они в саду.

Так в комнату войдя под вечер,
Мать удивится тишине:
Остались ей с детьми лишь встречи,
Да фотоснимки на стене.

ПЕРВОМАЯ

В час предрасветной тишины
Дремало общежитие.
Друзья досматривали сны,
Романтикой прошитые.

Студент Василий Белогой
Дом строил в сновидении...
А за окошком Первомай
Шел по своим владениям.

Вот кто-то заиграл подъем,
Призвав рассвет в свидетели.

И вразной: «Встаем! Встаем!»
Хлопки дверей ответили.

У института смех и крик:
«Прошу в колонны строиться!»
Веселый курсовой шутник
Серьезно беспокоится:

«Эта колонна
Только для влюбленных,
Кто не влюблен —
Из колонны вон!»

Шумит, цветет, поет, плывет
Расцветенная улица,
И Васе кажется, вот-вот
Дома, теснясь, расступятся.

Когда роса блестит в цветке,
Цветок преображается,
Когда ее рука — в руке,
Легко вперед шагается.

Катюша в этот светлый час
Особенная, славная.
И он готов пуститься в пляс —
Такое чувство странное.

Алеют тысячи знамен
И по ветру полощутся,
С трибуны мощный микрофон
Повелевает площадью.

Мелькают стайки детворы,
Идут девчата с песнею.
Бесспорно, мирные шары
Взлетают в высь небесную.

Колонны медленно плывут,
«Ура!» гремит в окрестности:
То люди партии дают
Присягу вечной верности.

ШУМЯТ ДУБЫ

Дубовый парк.
Дубы, дубы кругом,
И день, и ночь шумят листвою богатой.
Под обелиском спят глубоким сном
За власть Советов павшие солдаты.

В десятилетия складывались дни,
И вот пришла весна сороковая,
А память о героях той войны,
Как сорок лет тому назад, — живая.

Нет среди них ни брата, ни отца,
Но сердцу дорога могила эта.
Я молча здесь стоял бы без конца,
Их величавым подвигом согретый.

Я вижу опаленные огнем,
В походах посуровевшие лица.
За жизнь, которой нынче мы живем,
Мне хочется им в ноги поклониться.

Мне хочется поведать, что не зря
Они легли костями за правду века,
Встает над Фрунзе-городом заря,
Зажженная на улицах Пишпека...*

Шумят дубы под свежим ветерком,
И день, и ночь шумят листвою богатой.
Под обелиском спят глубоким сном
За власть Советов павшие солдаты.

* Город Фрунзе вырос из небольшого поселка Пишпек. Пишпек переименован во Фрунзе уже после революции.

АПРЕЛЬ

Колышет ветер провода.
Синей и глубже кромка неба.
Проходят с лесом поезда,
И пахнет в поле борозда
Ломтем разломленного хлеба.

В ПОЛЕ

«Богатый нынче будет хлеб»,—
Сказал мне агроном.
И колосящуюся степь
Он оглядел кругом.

Тропинкой узкой, меж хлебов
Мы не спеша пошли,
Вникая без высоких слов
В простую жизнь земли.

Колосья ласково шуршат,
Усами шевеля.
Под желтым парусом в закат
Плывут, плывут поля...

Тянь-Шаня грани вдалеке,
Небес бездонных высь,
И полновесное в руке
Зерно, как наша жизнь.

СЛОВО СТРОИТЕЛЯ

Я строю дом. И надо мной —
Высокий небосклон.
Я в этот дом и в этот мир,
Как в девушку, влюблен.

Кладу рядами кирпичи
Привычную рукой...
Я строю этот дом для тех,
Кто встал за мир горой.

Над головою солнца медь
Сгорает в шуме дня.
И проходящие внизу.
Приветствуют меня.

ЛЕБЕДЬ

Его огнем ударило в упор.
И, покидая солнечный простор,
На землю лебедь падал, как солдат,
Которому заказан путь назад.

Но на лету товарищи его
На крылья подхватили
Для того,
Чтоб перед тем, как встретить темноту,
С друзьями вместе взял он высоту.

Сатирические стихи,
басни, экиграммы

ЛИСА СОВМЕЩАЕТ

басня

Руководить большой лесной больницей
Была назначена Лисица.

Вступив на поприще высокое, она
Решила, что мала ее зарплата,
И потому немедленно нужна
Разумная перестановка штата.

У каждого нашла изъясн плутовка:
«Медведь—хирург? Ну, это чепуха!
Хирургу лисья надобна сноровка,
Не оберешься с увальнем греха!

Барсук — невропатолог? Не годится —
Живет в норе, забыл про белый свет,
И кругозор не тот, что у Лисицы,
И опыта достаточного нет.

Еж—терапевт? Он стар, учен и лыс,
Но терапия — это дело лис!
И вот, по совместительству она
Трудиться стала за троих одна.

И поползли по всей округе слухи:
В больнице лисьей звери мрут, как мухи.

МАРИЯ ПЕТРОВНА

Мария Петровна
Уж года четыре
Уютно живет
В коммунальной квартире.

И, странное дело,
С тех пор ни минуты
Соседи ее
Не имеют уюта.

С утра до заката
Петровна в заботах:
Сосед Иванов
Не вернулся с работы.

Вздыхает Петровна:
«Скажите на милость,
Другая, никак,
У него появилась?»

Пришли сослуживцы
К Семенову в гости.
И моет Петровна
Соседушкам кости:

«Откуда у них только
Деньги берутся?
Как вечер, так гости,
Как гости — напьются».

Характером вздорным,
Крутым, неумным
Жизнь портит соседям
Мария Петровна.

Со всеми судилась,
На всех по секрету
Писала доносы
Она горсовету.

И, странно,
Никто не решится за это
Привлечь клеветницу Петровну
К ответу.

Ужель не найдется
Ни силы, ни средства
Избавить людей
От такого соседства?

ДВЕ ЭПИГРАММЫ

* *
*

В литературе он давно.
На месте он, вперед—ни шагу.
Он переводит ловко, но...
Увы, лишь писчую бумагу.

* *
*

Ему талантов не дано.
Ленив и нагл он от рожденья.
Но каждый день он пьет вино
На наши с вами сбереженья.

СИНИЙ МАЙ

(Некоторым лирикам)

Синий май, светло-синее небо
Синевой рассиялось слегка...
Синей просини малость мне треба
Подсинить в синеве облака.

Изобрести бы такую машинку,
Чтоб подсинивать синюю синь,
Чтобы синей, пресинею синькой
Сделать синими листья осин.

РАВНОДУШНЫЙ

В меру строг и в меру важен,
В меру смех его звучит.
В просьбе сразу не откажет,
А с полгода помолчит.
Рисковать собой не будет,
Он не выйдет в ночь и глушь,
Дескать, есть другие люди;
Есть милиция к тому ж.
Планчик выполнит и рад он,
Отвяжись, мол, от меня.
Так и ходит с жизнью рядом
Человечек без огня.
Ни о чьей беде не тужит,
Не обидит никого,
Но подножки вражьей хуже
Равнодушие его.

С ПЕРВЫМ СНЕГОМ

Первый снег!
Побелели деревья и кровли.
На столбах провода
в ледяной бахrome.
Воздух свеж и прозрачен —
дыши на здоровье!
С первым снегом
не грех помечтать о зиме.
Хорошо бы сейчас
на санях прокатиться,
Встать на лыжи
и мчаться в поля
с ветерком...
Хорошо бы,
чтоб к Новому году
в столице
пару новых катков
нам открыл исполком.
Чтоб скорее сдавала дома
стройконтора,
Чтоб начальство,
что в бани не кажет ноги,
Наконец, помечтало о банях,
в которых
без боязни ангин
можно снять сапоги.
Чтоб не мерзнуть в кино
на вечерних сеансах;
Чтобы ГЭС
не гасила нам свет в холода,
Чтобы всюду ходил
беспрепятственно
транспорт

И чтобы трубы в морозы не рвала вода.

Что еще пожелать мне?

Быть может, довольно?

Ведь и так,

все вопросы как будто ясны. .

Написать бы еще

о площадках футбольных.

Ну, да ладно.

Потерпит.

Дождемся весны.

ДИПЛОМИРОВАННЫЙ ПОДПОРКИН

При дипломе жил Подпоркин.
Помаленьку, в меру сил,
На заводе цехом сборки
Года три руководил.

Не был он к работе рьяным,
Не мешал срывать планам,
И без премий, без доплат
Получать привык оклад.

Вдруг начальство взбеленилось,
Заявляет наотрез:
— Брось кустарничать, на милость,
Дай технический прогресс! —

Как же! Он за автоматы.
(Жми на кнопки — не потей!)
Только базы маловато
Для новаторских затей.

Ведь не прыгнешь выше крыши,
Ведь нельзя же — напролом...
И вытаскивает выше
Наш Подпоркин свой диплом.

ЖОНГЛЕРЫ

Бухгалтер Максим Никанорыч не брит.
Максим Никанорыч три ночи не спит.

Лицо Никанорыча сильно распухло,
И даже на лысине солнце потухло.

Но что приключилось? Какая причина,
Что вдруг увядает цветущий мужчина?
Максим Никанорыч спасает завод:
Несчастье! Громаднейший перерасход!

...Недавно бухгалтер поклялся, что впредь
Он цифрами больше не будет вертеть.
Но снова директор, как солнце из тучек,
Ему улыбается: «Сделай, голубчик!»

Платком отирая на лысине пот,
Бухгалтер бормочет: «Контроль ведь, учет...»
Но снова, терзаемый тягостной думой,
Жонглирует он многотысячной суммой.

Потом, несмотря на брюшко и одышку,
Бухгалтер к директору мчится вприпрыжку:
Победа! Убыток в один миллион
В ремонт капитальный умело снесен!

И снова Максим Никанорыч побрит.
Он вовремя кушает, вовремя спит.
Лицо от бессонницы не опухает,
И солнце на лысине не потухает.

ПОТЕРЯННЫЙ АВТОРИТЕТ

Олег Васильев с юных лет
У комсомольских дел.
Олег Васильев, спору нет,
На них собаку съел.

Держать толково может речь,
С песочком проберет.
Умеет он людей увлечь,
Найти, где нужно, ход.

И потому он быстро рос,
С удачей в дружбе был.
И, наконец, высокий пост
В райкоме получил.

Откуда взялся важный жест
И властный, резкий тон:
— А ну, прошу без реплик с мест!—
Кричит в собрание он.

И на друзей, и на коллег
Он смотрит свысока,
Всегда торопится Олег:
— Зайдешь... Спешу... Пока...

Сычом сидит он за столом
Над ворохом анкет.
Газеты просмотреть мельком
И то минуты нет.

Ту книгу вовсе не читал,
У той — прочел конец.
И раз в неделю бриться стал
Сей комсомольский спец.

К слалому, к лыжам тяги нет,
Со всех не мчится ног:
Вдруг подорвет авторитет
Какой-нибудь пенек!

Как прежде шумен и речист
Олег наш. Но боюсь,
Не рано ль званье «активист»
Менять на кличку «гусь».

Ведь есть на свете препарат,
Что из таких «гусей»
Без церемоний, говорят,
Вновь делает людей.

БОБР-ФОРМАЛИСТ

басня

На старого ежа с ежихой
Нагрянуло презлое лихо:
Их сын — задира и пострел,
Схватив простуду, заболел.

И вот они втроем с утра
В приемной доктора-Бобра:
— Спаси, пожалуйста, сына,
Ты добр, легка твоя рука!

— Так-так! — И Бобр поближе к свету
Сел заполнять на них анкету.
Он с час по пунктам, не спеша,
Терзал вопросами ежа:

— Где проживает ваш наследник? —
Он задает вопрос последний.
— За балкой, где желтеет рожь, —
Ответил с нетерпеньем еж.

— За балкой пациент живет?!
Простите, лекарь там — Енот!
И не просите, не приму,
Ступайте от меня к нему.

Я в нашей поликлинике вчера
Случайно встретил этого Бобра.

ВРЕМЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Заседанье месткома журчит как вода,
Час, другой — не видать закругления.
Засиделись, ну что ж — небольшая беда,
Это — временное явление.

Второгодник усатый за партой сидит,
Не видать в голове прибавления.
А мамаша директору школы твердит:
— Это временное явление!

В загсе были вчера, а сегодня — эге!
Муж колотит жену без стеснения.
А свекровь: «Потерпи,—напеваает снохе.—
Это — временное явление».

Дождь пойдёт —
И в квартире сиди под зонтом,
Хлюпай по полу, как в наводнение,
Но опять утешает жильцов управдом:
— Это временное явление!

По весне разливается грозно река.
Нет моста — и сиди без движения.
А дорстрой ни гу-гу.—«Что? Разлив? Чепуха!
Это временное явление!»

Вот картинки с природы во всей их красе,
Есть и много других, к сожалению.
Не пора ль за ушко да на солнышко все
Эти временные явления?

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи

<i>Лев Аксельруд</i>	
Все впереди	7
Октябрьский салют	7
Признание	8
Тебе	9
Ключи	9
Танк	10
<i>Василий Алтаев.</i>	
Москва	11
Детдому	11
Не привыкну никогда к упрекам...	12
<i>Аркадий Битюков</i>	
Ученица	13
Однокурсникам	14
Певца	14
Аврора	15
<i>Анатолий Борцов</i>	
На Малом Фонтане	16
Родник под ивой...	17
Сокол	18
Осенью	18
На границе	19
Испанка	19
Об охоте и весне	20
В лощине, где пыль да песок.	21
Утро	22
Бульдурки	23
<i>Нина Павлова</i>	
Светлый год	25
Вечером	26
Проездом в Москве	27

<i>Михаил Ронкин</i>	
В год испытаний суровых и страшных...	28
В сорок первом	28
Ты помнишь?..	28
Мальчишка	29
Геологи	30
В рабочем строю	32
<i>Ростислав Квятковский</i>	
Долг	33
Опять волна в киргизском море...	33
Барс.	34
На пристани	34
<i>Амит Залуцкий</i>	
На плоту	35
В Лесозаводске	36
В роще	38
Песенка	38
На ангарском мосту	39
Два поколения (поэма)	40
<i>Анатолий Мулин</i>	
Сын	51
Учителю, ушедшему на пенсию	51
Березовый сок	52
<i>Владимир Лихачев</i>	
Утро	53
Меж хребтов, в ущелье дальнем...	53
Часы	53
<i>Фёдор Зарецкий</i>	
Матери славу пою	54
День короткий и зябкий	54
Новый год	55
Первенец	55
Малиновка	56
Первомай	56
Шумят дубы	58
<i>Николай Калашников</i>	
Апрель	59
В поле	59
Слово строителя	60
Лебедь	60
Сатирические стихи, басни, эпиграммы	
<i>Михаил Ронкин</i>	
Лиса совмещает	63
Мария Петровна	64

<i>Эммануил Праз</i>	
Эпиграммы	66
Синий май	67
<i>Николай Калашников</i>	
Равнодушный	68
<i>Анатолий Борцов</i>	
С первым снегом	69
<i>Анатолий Мулин</i>	
Дипломированный Подпоркин	71
Жонглеры	71
<i>Фёдор Зарецкий</i>	
Потерянный авторитет	73
Бобр-формалист	74
<i>Аркадий Битюков</i>	
Временное явление	76

ДОБРОЕ УТРО

Сборник молодых поэтов Киргизии

Отв. редактор *Ю. Гордиенко*

Худож. редактор *А. С. Осташев*

Технич. редактор *Г. П. Кочетов*

Отв. корректоры *Э. В. Кеслер, Н. П. Федорова*

Сдано в набор 17/II 1958 г. Подписано к
печати 21/II 1958 г. Формат бумаги
84x108^{1/2} Всего 1,25 бум. листов, 4,1 печатных
листов, 3,0 уч.-изд. листов
Д—02666. Заказ 891. Тираж 12000. Цена 90 к.
Фрунзе, типография № 2

